

КАК ТРОНУТЬ СТРУНУ

Цецилия Львовна Мансурова отложила письмо в сторону и сказала чуть насмешливо, чуть с сожалением:

— Раньше я была просто «уважаемая», теперь уже превратилась в «глубокоуважаемую». Так недолго и до «благодетельницы» дожить.

Ее неизменное движение, которым она широко и легко поправляет волосы, мгновенно возникающий смех, пристальная острота взгляда на редкость не подходят к тяжеловесному и монументальному обращению «глубокоуважаемая». А с другой стороны, как можно начать письмо к ней — народной артистке СССР, профессору? Я мысленно перебираю возможные варианты. «Удивительная Цецилия Львовна...» — вот это было бы совершенно точно.

Она остроумна, нервна, чувствительна, насмешлива, лирична — и все это в одно и то же время.

Один умный человек сказал о Мансуровой, что она «маленький вулкан, который постоянно извергается». А мне ее характер напоминает весенний день.

В героинях Мансуровой многое от изменчивости и причуд ранней весны. Обольстительная Турандот, прелестная Роксана, опыняющая Беатриче — как легкие, как естественные были их переходы от жара к холоду, от надменности к сочувствию.

И ее Филумена, истерзанная, измученная, но своенравная, — из той же породы. Но никогда «причудницы» Мансуровой не были взбалмошными или легкомысленными. Они пропускали людей через горнила своих причуд, чтобы убедиться в крепости и надежности человеческих характеров, с которыми их сводила жизнь. И готовы были покориться, когда действительно было кому покоряться.

Вечно изменчивые, вечно женственные.

И родилась Цецилия Львовна в марте. Но поскольку она сразу же сказала: «Никаких дней рож-

дений! Никаких юбилеев!» — то мы поздравляем ее просто с Восьмым Марта, просто с весной.

А еще мы просим актрису ответить на несколько вопросов.

— Цецилия Львовна, пройдет совсем немного времени, в Театральном училище имени Щукина, где Вы преподаете, наступит пора консультаций и прослушиваний, и к Вам лично, за советом, начнется паломничество абитуриентов. Бывает ли так, что Вы сразу, мгновенно чувствуете интерес к кому-нибудь?

— Крайне редко. Дар «заразительности» — редкий дар. Кстати, когда я держала экзамен и про меня, тогда еще почти девочку, сказали, что я заразительная, я ужасно обиделась. И даже, кажется, разревелась. У меня это слово ассоциировалось только со словом «зараза». Но вот у меня есть ученица, и когда она из воображаемого стакана пьет воображаемый сок, то мне хочется сказать ей: «Оставь хоть глоточек».

Несколько лет назад ко мне пришла девочка. Она мечтала стать актрисой, а пока работала чернорабочей. Как выяснилось, она несколько дней поджидала меня на лестнице, не решаясь позвонить.

У Лены был хороший голос и совершенно фантастическая уверенность, что не быть ей актрисой невозможно. И достоинство. Я не верю людям, подчеркивающим свое ученичество. Этот чрезмерно внимательный взгляд, напряженное тело! Поверьте мне, симуляция интереса видна моментально.

Лена была совершенно естественна, насколько это, конечно, возможно при первой встрече. Я послушала, как она читает — не столько голосом, сколько душой.

К сожалению, в театральное училище ее все-таки не приняли. Значит, комиссия она «заразительная» не показала. Но порою-то сказала все равно. Вот у меня

на столе лежат пластинки Елены Камбуровой. Она настоящая актриса.

— Вы рассказывали о том, как партнер по сцене зажигал Вас. Как после слов Завадского, игравшего Калафа в «Турандот»: «Иль Турандот, или смерть!», Вас охватывал восторг. Может ли ученик в процессе Вашей совместной работы увлечь Вас так же сильно?

— Рыдать я буду вряд ли. А вот мурашки по коже бежали. Ее сейчас уже нет в живых, милой, прелестной Люси Фегисовой, сыгравшей в ЦТСА свою знаменитую барабанщицу в пьесе Салынского.

Ах, как она репетировала — с самозабвением, с восторгом. Я чувствовала, что горячая волна, исходящая от нее, захватывает меня.

Вообще контакт ученика и учителя — вещь сложная. А в творчестве особенно. Здесь учиться и учить по-настоящему можно только при абсолютно открытой душе. А открытая душа ранима. Как не задеть друг друга? Или наоборот — какую струну надо тронуть?

«Какое приобретение», — сказал обо мне на одной из репетиций Вахтангов. Я думала, что умру. Жизнь кончилась, но, странное дело, она же и начиналась от этой фразы. Мне нужно было доказать, что я актриса, а не просто «приобретение».

Второй удар был мягче — Вахтангов чуть насмешливо представил меня Михаилу Чехову: «Вот знакомьтесь, моя бездарность». Меня бросило в краску, но умирать уже не было желания.

И третье слово Вахтангова — гордость моей жизни: «Видишь, Миша, в Москве растет актриса...»

— А какую главную струну надо задеть в ученике?

— Самоотдачей. Но прежде ученик должен научиться брать, брать и снова брать. У природы, искусства, учителей, каждой пылинки, каждой частицы этого мира. Мне становится горько, когда молодые ленятся это делать, когда им надоедает, наскучивает процесс «приобретения». Самоотдача возможна только, если есть что отдавать.

Беседу вела
Е. БОРИСОГЛЕБСКАЯ.

Фото В. ВОЛОДИНА.